

Михаил Юрьевич Салиас

Богословие

Небеса и ботинки. Бог, творение, ад

Михаил Юрьевич Салиас Богословие. Небеса и ботинки. Бог, творение, ад

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101307
ISBN 9785005046833*

Аннотация

«Богословие» Михаила Салиаса содержит две его ключевые работы: «Небеса и ботинки. Размышление о христианстве. Экзистенциальный опыт» – развернутое историко-философское эссе о современном состоянии христианства – и богословско-эсхатологический трактат «Бог. Творение. Ад». Работы Михаила Салиаса отличаются ясностью языка, глубиной мысли и актуальным взглядом на проблему, который всегда подтверждается яркими примерами из личного опыта.

Содержание

Небольшое предуведомление к обеим книгам	5
Предисловие ко второму изданию	10
Небеса и ботинки. Размышление о христианстве.	12
Экзистенциальный опыт	
Вступление	12
Почему Иисус Христос действительно Бог?	21
Что значит крест?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Богословие
Небеса и ботинки.
Бог, творение, ад

Михаил Юрьевич Салиас

© Михаил Юрьевич Салиас, 2019

ISBN 978-5-0050-4683-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небольшое предуведомление к обеим книгам

Я являюсь свободным философом, что не отменяет моей конфессиональной принадлежности к православию. Окидывая общим взором эти две работы, представленные в данной книге, продвигу, однако, вопросы о догматической и конфессиональной чистоте со стороны «профессиональных» православных богословов. Но я действительно не понимаю, что такое «профессиональный» богослов. Когда-то я закончил философский факультет, то есть имею красный диплом МГУ об окончании философского факультета. Да, богословских факультетов я не кончал, но передо мной авторитет древних отцов церкви и мнения наших опытных старцев, духовная значимость которых никем не оспаривается. К тому же, у меня есть и свой личный религиозный опыт. Богословы же современные все не без изъяна. Нет уже того откровения Духа, которое питало древних отцов, начиная с апостола Иоанна, св. Ефрема Сирина и отцов каппадокийцев. Ссылаться на мнения современных богословов я не считаю нужным, ибо не знаю ни одного, которому можно было бы доверять полностью. Духовным опытом постигшие тайны Святого Духа, древние отцы имеют в своих преемниках разве что тех богомудрых мужей, кои облечены духовным са-

ном, то есть по роду деятельности своей непрестанно связаны с молитвой и предстоянием перед церковным престолом. Авторитет таковых для меня несомненен. Однако, и у них могут быть вопросы к моим писаниям, прежде всего, с точки зрения терминологии.

Например, я использую иногда индуистские (а точнее, санскритские) термины или понятия. Конфессионально православные скорее всего обличат меня в отходе от православия. Почему? Потому что я использую синоним, который более емко и точно обозначает одним словом то, что в традиционном богословии нам понадобилось бы выразить фразой из нескольких слов. Но богословие древних отцов церкви знало многочисленные заимствования из древних греков и неоплатоников, это, однако, не дает повода ставить крест на богословии великих александрийцев, каппадокийцев или, например, св. Исаака Сирского, который вышел из монофизитской среды. До сих пор идут споры об Оригене, который, несмотря на свои неоплатонические отклонения от православия, учении о предсуществовании и переселении душ и т.п., тем не менее, был христианским мучеником. А его виднейший ученик и брат св. Василия Великого святой Григорий Нисский, немало почерпнувший от своего учителя, на шестом Вселенском Соборе (681) был включен в число «святых и блаженных отцов» (прав. 2), а Седьмой Вселенский Собор (787) назвал святителя «отцом отцов», подтвердив его значение как вселенского учителя веры. И это

несмотря на его оригеническое учение об апокатастасисе, кое до сих пор не принято исторической православной церковью, и по поводу которого патриарх Фотий Константинопольский заметил: «То, что у святителя Григория, епископа Нисского, сказано о восстановлении (περί ἀπο-κατάστασις), Церковью не принимается».

Поскольку греческое богословие, к коему относятся отцы-каппадокийцы, а также богословы Александрийской и Антиохийской школ, развивалось в рамках греческой же образованности и культуры, неслучайно и заимствования из платонической и неоплатонической терминологии, особенно у александрийцев, претерпевших сильное давление ариан, например, у св. Климента Александрийского. Но и их противники в спорах каппадокийцы Иоанн Златоуст и Василий Великий получили классическое греческое образование того времени. К греческой образованности, тем не менее, не имели никакого отношения ветхозаветные пророки и первые иудео-христиане, такие, как апостол Павел, или, например, сирийские отцы церкви, сознательно пренебрегавшие эллинским мудрованием, – святые Ефрем и Исаак Сирины. Разброс влияний и культур, сформировавший патристику, был, таким образом, велик. Санскритские источники были отцам церкви неведомы. Однако, богословие упанишад существовало уже как несколько сотен лет к тому времени. Развивалось бы христианство не в Малой Азии, а в Индии с самого начала патристики, или, скажем, в Китае, кто знает,

какие заимствования из терминологии буддистов или даосов мы бы тогда увидели. Конечно, это ни в коем случае не обеднило святых отцов и не ставит знак равенства между христианством и индуизмом. Наоборот, в дальнейшем мы коснемся их фундаментального различия.

Я подхожу к вопросу терминологии в данном случае прагматически. Если есть понятие «карма», не надо пытаться его заменить размытыми понятиями «судьба» и «фатум», или «возмездие», или «закон причины и следствия». Все это неуклюже неточно. Наиболее адекватно это понятие отражает русская поговорка «что посеешь, то и пожнешь» – парфраз слов апостола Павла из Послания к Галатам: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет». (Глава 6, стих 7). Интуиция, да и само Евангелие подсказывают нам, что ничего «неправославного» в этой поговорке нет. Если же иные богословы доказывают нам, что «карма» – термин неправославный именно по причине отсутствия в нем Божьего произволения, которое способно изменить «карму», то нам ничего не запрещает сказать, что такое произволение есть, и, действительно, карма не абсолютна, как не абсолютен закон тяготения. Ибо известны случаи, когда младенцы, выпадавшие с 8-го этажа и выше, оказывались живы и без единого ушиба, так как закон гравитации на них не действовал, а действовало Божие произволение остаться им невредимыми, что, однако, не отменяет закон тяготения в принципе, как и все физические законы во-

обще. Точно так же Божье произволение не отменяет карму как принцип жизни или духовный закон: «всякое действие в этом мире имеет свое последствие, к человеку возвращается и добро, и зло, или в этом мире, или в будущем». И этот закон неумолим. Аналогично и с другими терминами.

Привыкших мыслить исключительно в конфессиональных рамках традиции я бы просил прочитать обе книги до конца, прежде чем делать окончательные выводы.

Предисловие ко второму изданию

Первое издание данной книги было два года назад. За прошедшее время произошли изменения и в моей жизни, и в моем мировоззрении. Если суммировать общее направление изменений, по каковой причине читатель и получил новую редакцию, я стал меньше внимания уделять собственным недовольствам и наблюдениям, а больше святоотеческой традиции. Для того, чтобы быть, недостаточно только знать, надо именно **быть**. Это основной вывод, который я сам сделал из обеих книг. Мы можем по атомам расчленить вселенную и изучить Библию наизусть, но если не **быть** в реальности Святого Духа и живой Церкви Христовой, то все это зря. Знание надмевает, а спасает лишь личные усилия по спасению души, аскетизм, вера, молитва, самоограничение и живая вера во Христа. Бог есть любовь, и любовь одна лишь спасает, будь то искусство, помощь ближнему или познание мира. Поэтому в некотором смысле мой труд бесполезен, ибо ничего, кроме непознаваемого чувства любви не спасает: ни богословие, ни философия, ни религия. Любовь же открывает бесконечные горизонты во всем – в самореализации человека согласно предназначению, которое нам уготовал Бог. Вместе с тем, знание основ подобно хорошей обуви, в которой можно пройти каменистыми дорогами богопознания. Именно этому и посвящены мои книги – найти

правильный ориентир в духовной жизни современного мира.
И ответ всегда один -начинать с себя, начинать с покаяния.
Этому я и хочу посвятить свой труд.

Михаил Салиас, сентябрь 2019 г.

Небеса и ботинки.

Размышление о христианстве.

Экзистенциальный опыт

Вступление

До недавнего времени мне приходилось часто менять ботинки, потому что я все время спотыкался обо что-то твердое, что торчит из-под земли. Под ноги себе я не смотрел, а из наших даже асфальтированных тротуаров, к сожалению, частенько торчат обрезки каких-то труб. Рост у меня высокий и, глядя даже перед собой, я не вижу, куда я сейчас наступлю. В результате, года два назад я так навернулся в центре Москвы, не заметив вечером какой-то приступок на темном асфальте, что растянулся на глазах прохожих, смягчив удар руками. Полгода после этого я ходил с перемотанными кистями рук из-за вывиха. С тех пор я решил твердо смотреть себе под ноги, особенно в темных местах. Кажется, пока мои ботинки больше не страдали.

Правильная религия подобна правильной ходьбе. Если смотреть все-время себе под нос, ботинки останутся целы, но лбом ты упруешься в стену, так как не видишь, куда идешь. Если же будешь смотреть только вдаль и в небо, гарантиро-

ванно растянешься на дороге или провалишься в яму. В этой книге я попытаюсь понять, что же такое правильная религия сейчас.

На Западе и Востоке есть свои религиозные традиции. Однако, восточные культы так модны нынче среди западных неохристианских мистиков, что своей экзотикой и спиритуализмом уравнивают их собственный прагматизм и нежелание следовать правилам конкретной христианской конфессии. Тонны книг написаны о том, что все религии одинаковы, лишь бы в них было понятие сострадания – compassion. Вот за него и надо держаться.

Идея справедливая, если не считать, что в христианстве и, скажем, индуизме совершенно разное понятие о мире и обязанностях в нем человека, а в буддизме так вообще нет Бога Творца и бессмертной души. (По крайней мере, это открыто не постулируется, хоть и подразумевается. Ведь в «Дхаммападе» есть главы «О преисподней» и «О наказании», что само по себе подразумевает существование личности после смерти физического тела). Таким образом, сравнительная религия ведет к универсализму гуманистических принципов, философствованию вместо единения души с Богом, рациональности вместо откровения.

Воспитанные в христианских культурных традициях великой русской литературы, мы, русские, привыкли, что мир – это не иллюзия, не «майя», как говорят индусы, а поле нравственной борьбы. Это поле, как говорит Христос в прит-

че, засеяно Творцом пшеницей.

«Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда возшла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.» (Мтф. 13:24—30)

Такова одна из великих притч Христа. В ней и вся онтология и сотериология христианства. Притча говорит о том, что данный мир не творение зла и не ошибка Бога, как считают дуалисты и манихеи, а арена борьбы добра со злом. Это творение Божие, прекрасное в своей основе, но засоренное энергией сатаны. Человек как часть творения – пограничное создание из плоти и духа, так же прекрасное в своей основе. Преображаясь в процессе богопознания, обожения – теозиса – человек становится обоготворенным, расчищая свой первоначальный божественный образ в себе и тем самым возвращаясь к своему Божественному Первообразу.

Этот акт богопознания не прост и не скор, но ключ

к нему дает христианство лишь правильно понятое, очищенное от напластований несовершенного человеческого разума.

Эта книга написана для тех, кто хочет немного поразмыслить над Учением, которое оставил нам Иисус Христос. Полтора миллиарда человек на Земле исповедуют сейчас христианство. Часть из них регулярно посещают воскресные службы, участвуют в таинствах – по подсчетам статистиков это в среднем около 10 процентов населения стран, в которых христианство является основной религией. Это, прежде всего, Европа, Северная и Южная Америка, Россия. Остальные проценты включают в себя как атеистов и последователей других религий, так и «теплохладных» христиан, (по выражению апостола Иоанна – «Но, как ты тепел, а не холоден и не горяч, извергну тебя из уст Моих» Откр. 3:15—16).

Эти теплохладные хотя номинально и считают себя православными (католиками, протестантами) по крещению, в церковь заходят редко, в таинствах или не участвуют вовсе или крайне нерегулярно. Большинство из них по апостольскому правилу давно были бы исключены из церкви, как не бывающие на воскресной литургии три раза подряд. Этого, однако, никто не делает по понятным причинам – из опасения, что в церкви вообще никого не останется.

В современном сложном мире, где в той же церкви, которая по-прежнему именуется христианской, можно встретить епископа-гея, венчающего гомосексуальную пару, или

женщину епископа, как в лютеранской евангелической, англиканской и некоторых других протестантских церквях, какой-нибудь православный батюшка рад любому приходящему к нему, даже если тот не был в церкви 25 лет, но хотя бы признает истинность традиционного православия. Эта книга должна быть интересна тем, кто вообще когда-нибудь задумывался о том, что же такое христианство, зачем мне туда ходить и слушать «этих попов».

Автор по вероисповеданию, крещению является православным, что и немудрено, так как рожден в России в интеллигентной московской семье. Крещен был в сознательном возрасте – в 18 лет, тогда еще в СССР, в результате свободного выбора и под влиянием своего друга, который и стал моим крестным отцом. Это, однако, не означает, что речь пойдет исключительно о православии.

Мне хотелось бы затронуть основы христианского миропонимания, так чтобы это касалось христианства вообще, но и углубиться потом в особенности национального православия тоже. Я говорю это без тени иронии, ибо и православие имеет национальные оттенки, так что никто не будет отрицать сегодня, что греческая церковь помимо другой юрисдикции имеет свои яркие особенности по сравнению с русской, а та и другая отличаются от коптской, американской и т. п. православных церквей. Речь идет именно о национальных особенностях, а не о вероучительных догматах.

В подзаголовке стоит «Экзистенциальный опыт». Когда я

учился на философском факультете МГУ в 80-х годах, преподаватель истории западной философии XX века профессор Зотов приводил такую аналогию, объясняя слово «экзистенция». Каждый волен исследовать мир в тех категориях, которые ему ближе. Философы экзистенциалисты начали с провозглашения того, что нет никаких абстрактных категорий истины, все должно быть конкретно и применимо к человеку. Почти по Ленину «истина всегда конкретна, а практика – критерий истины». Правда, у Ильича ценности были не совсем человеческие, а, скорее, античеловеческие, которые он почему-то назвал «пролетарскими». Экзистенциалисты же были люди гуманные, миролюбивые и в меру буржуазные. Они чтит классиков литературы и поэтому для них таким мерилom «истины» стали простые человеческие переживания – страх смерти, любовь, боль потери, надежда на лучшее и т. п. Зотов же приводил в пример человека, который все измерял в бутылках пива – например, от Москвы до Ленинграда я доеду за 20 бутылок пива, то есть за это время мной будет поглощено 20 бутылок, что вполне себе нормальный экзистенциальный подход. Поэтому «экзистенциальный опыт» есть ни что иное, как рассмотрение вопроса с точки зрения себя, того, что мне ближе, что меня волнует.

Можно бы сказать, что это и так ясно – раз ты пишешь об этом, то это тебя и волнует. Но, положив руку на сердце, мы же понимаем, что это не всегда и далеко не так у большинства пишущих на эту тему. Есть, в конце концов, про-

сто «Закон Божий» и даже не одно издание, например, замечательное профессора Слободского, или под ред. епископа Семенова-Тян-Шанского, где просто и доступно доведены объективные истины христианской жизни и церковного устава. То есть это как бы наука, данность, «дважды два – четыре». Нечто объективное и независящее от пишущего человека. Конечно, и здесь мы можем сказать, что один изложит так, другой иначе, у каждого свои предпочтения в мелочах, но общий подход – академический, научный. Так же, как и в большинстве монографий, исследований, которые и руководствуются критериями научности, проверяемости и объективности – что и хорошо, ибо за это их монографии и читают.

Данная же книга никакой монографии из себя не представляет. Она абсолютно субъективна и в этом смысле экзистенциальна. Я бы уподобил ее большому эссе с той лишь разницей, что логическая сторона и аргументация в ней будут превалировать над художественным началом. Автор счел себя вправе поделиться с читателем некоторыми своими наблюдения и размышлениями по этому вопросу. Я не собираюсь выступать здесь критиканом и ниспровергателем основ, которых за всю человеческую историю хватило и без меня. Напротив, религия истинная и глубокая, коей является христианство, по моему убеждению – не предмет для «нравится-не нравится», это не платье, не модное направление мысли, не спасительная палочка счастья по типу «опиума для

народа», а сама глубинная суть мироздания. Христианство есть онтология, если уж применять этот философский термин. Простыми словами **так устроен этот мир**. Нравится это кому-то или нет, но мир так устроен, что есть Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух, кои все вместе представляют собой Святую Троицу, единую и нераздельную, в которую веруют все христиане.

Эта, казалось бы, незыблемая истина для всех христиан, догматически оформленная в Никео-Цареградском символе веры, не ведет, однако, к объятиям христиан по всему миру. Ну, а что говорить о жизни христианина в миру, об его отношении к ценностям «мира сего»? Огромное количество проблем поджидает нас на каждом шагу. Да и внутри церкви на уровне отдельно взятого христианина возникает масса вопросов. «Троица – то есть, – говорит человек „верующий“. – А вот как мне быть в моей ситуации?»

Возникает огромное «экзистенциальное поле» личного взаимодействия христианина с Богом. Система ценностей, выстраиваемая христианством в его рафинированном, евангельском виде, претерпевает постоянные попытки ревизионизма. Ценности размываются, говоря попросту. Постоянно мы слышим о компромиссах, о вреде «буквального понимания» и т. д. Все это, в конце концов, и приводит к венчанию гомосексуальных пар, к абсолютной подстройке христианства под нужды сильных мира сего, к откровенному атеизму и сатанизму под личиной креста. Тлетворное веяние духа

«мира сего» настолько тонко и вместе с тем очевидно, что для подлинно верующего уже не осталось никаких сомнений в том, что действительно к концу времен «все черти ада вышли на землю, и весь ад опустел», по образному выражению одного из наших старцев.

В этой книге я хочу отловить этих чертей как можно больше, и, пусть не обижаются на меня православные, и в современном русском православии тоже, что означает на поверку в самом себе. Кто-то посчитает, что автор сам разбирается со своей совестью, и нам это неинтересно, а кто-то вынесет что-то полезное. Что ж, окончательный судья – всегда вы, дорогие читатели. Мое дело всегда быть искренним и последовательным в своих суждениях. Моими маяками и критериями всегда будут служить слова Христа, а также духовный опыт святых отцов и, главным образом, нашего православного старчества, оплодотворившего весь мир своей бесконечной мудростью и любовью. Это старчество оптинских отцов прежде всего, которое нераскрытой еще до сих пор глубиной одно даже способно вывести человека на правильный путь в мутном водовороте падшего во все тяжкие мира. Пусть читатель не спешит с обвинениями автора в самомнении и зазнайстве, пусть верит, что путь двухтысячелетнего православного духа питает автора этих строк сквозь книги святых отцов нашей православной церкви.

Почему Иисус Христос действительно Бог?

Этот вопрос, казалось бы, не моего ума дело, так как 3300 богословов всех времен и народов на него уже ответили. Но, сколько бы я ни читал, вразумительного ответа я так и не получил. Нет, любой, конечно, может услышать расхождение в православной среде глаголы «уничижихомся» и «смиримся до зела», «плотию плоть бысть и смертью смерть поправ», но из всех этих церковнославянских глаголов ты не поймешь ничего, кроме того, что Христос – Бог, о чем ты и раньше догадывался. Естественно, если отбросить все «обиняки», как говорили в старину, и, если действительно о чем-то думать в этом направлении, должен возникнуть вполне закономерный вопрос – ну, а почему все-таки Иисус Христос, сын плотника из Назарета? Ведь есть же Аллах, Будда, Лао-Цзы, Конфуций, Заратустра... да мало ли еще кто есть? Ведь они писали и говорили примерно то же самое! И гораздо раньше Его пришествия! Почему же они не боги, а вот Христос – Бог?! Вспоминаем разговор Воланда с Берлиозом на Патриарших прудах в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – и то было, и пятое, и десятое... Осирис и Изида, Адонис и так далее. Почему же все-таки Христос?

Возьмите 100 верующих православных на сегодняшний

день, постройте их в шеренгу и задайте этот вопрос. Я уверен – не ответит никто. Ну, почему же все-таки Христос? Они скажут: – «Но ведь именно Христос сказал, что «возлюби врага своего!». Не было этого ни в греческой философии, ни в Ветхом Завете! Там ведь «око за око, зуб за зуб!». Да и один древнегреческий философ говорил, что я вполне считаю правильным делать добро для друзей и мстить врагам. А Христос вдруг возьми и скажи – «и врагов тоже любите! И врагам делайте добро! Как Бог посылает солнце и дождь на добрых и злых, так и вы будьте!»

Оказывается, то же самое, почти буквально, говорили Лао-Цзы и Будда, причем за 600 лет до Христа! Какой плагиат! Не верите? Откройте «Дао дэ цзин» и «Дхаммападу» и проверьте. Благо, сейчас все есть в прекрасных переводах. Вы будете весьма удивлены.

С моей точки зрения многие христианские истины становятся ясны сейчас именно в высказываниях древних великих мудрецов востока, Будды, Лао-Цзы и Конфуция. Просто потому, что за время существования христианства их, эти истины, изрядно потрепали и приспособили к своим нуждам те, кто к христианству отношения не имеет. И действительно – почти все христианское учение уже есть на Древнем Востоке. Осознание себя душой, а не материей, необходимость любви и всепрощения, постоянного усилия в соединении с Богом, жертвенное служение людям и чудеса – все это можно найти на Востоке еще до Иисуса. Даже лич-

ная форма Бога, такая как Кришна, например, проповедовалась, да и сейчас проповедуется одним из направлений индуизма. Бхагавадгита по свидетельствам большинства индологов записана была до нашей эры, а Шветашватара-упанишад, на идеи которой она опирается – еще раньше. И там тоже была личная форма Бога – Шива. Почему? Ответ прост. Потому что давно живут. Законы духовной жизни там известны уже давно. Пока Греки в лице философов досократиков в 6-м веке до нашей эры своим умом пытались дойти до основ мироздания, в Индии и Китае уже как 2000 лет существовали свои цивилизации.

Как вы думаете, если люди живут общественно, у них есть рынки, искусство, градостроительство, законы, деньги, суды, канализация, в конце концов, как в древнейшей цивилизации долины Инда Мохенджо-Даро, они что, не думали о Боге? У них что, не было потребности в молитве, в чудесных силах? Не было откровения? Не было праведников, святых? Бог не желал им блага, не посылал им мудрецов, пророков? Конечно, все это было!

Но, однако, Бог сам не являлся. Почему же мы верим, что именно Иисус Христос, явившийся и воплотившийся через деву Марию в Палестине ок. 6 года до н.э. это и есть Христос? То есть Χριστός – «помазанник» в буквальном переводе с греческого, или мессия, «машиах» מָשִׁיחַ на иврите, сам Бог, в конце концов, а не кто-то из Его пророков?

На философском факультете МГУ одним из моих люби-

мых предметов была логика. Логика – точная дисциплина, легшая в основу кибернетики и информатики.

Так вот, пользуясь одной лишь логикой сейчас, я заключаю, что Христос был 100% Богом. Объяснение этому опять же логическое. Ибо логика есть объяснение законов бытия, а все в этом мире подчинено законам, хотим ли мы этого или нет.

Элементарная логика в отношении Бога нам диктует вопрос «а кто такой этот Бог? Это тот, кто придумал заповеди, кто говорит нам „не делай того и того“, потому что это неправильно и несправедливо, иначе ты не спасешься и т. д.»? Понятно, что таким образом Он хочет урегулировать нашу жизнь.

Для чего еще нужен Бог? Еще для того, что Он праведный судья. Он рассудит всех нас и установит истину! Он знает, как надо, чтобы обрести Царствие Небесное! Ведь та бабушка туристка из Америки, которая пошла гулять по Сергиеву Посаду зимой и которую нашли подо льдом по весне, тоже вопиет ведь к Богу: «Я, мол, приехала из Америки поглядеть русскую святыню – Троице-Сергиеву Лавру, а меня ограбили и убили, и теперь я лежу подо льдом!» И она имеет право на ответ на свой вопрос. А кто ответит за это убийство?

А кто ответит за ограбление России в 90 – х? А кто ответит за уничтожение ее лучших людей в 20-х – 50-х годах? За уничтожение миллионов лучших людей России в ГУЛАГе? Или для этого Бог не нужен? Может, мы и сами разбе-

ремся?

Конечно, Бог нужен, и Он есть, как и справедливость тоже есть. Некоторые в нее не верят, то есть не верят совсем, как например, наш замечательный писатель Варлам Шаламов, 20 лет отсидевший в лагерях. Ему Бог не нужен. Он настолько отчаялся, что решил не верить ни во что высшее. Да и что бы думал каждый из нас на его месте? А вот епископ Лука Войно-Ясенецкий, хоть и сидел в лагерях, а в Бога не только верил, но и служил Ему, будучи епископом православной церкви. И даже получил Сталинскую премию за свой труд по гнойной хирургии. Или писатель Александр Исаевич Солженицын, который тоже сидел в лагерях, но веру в Бога сохранил.

Мы понимаем нутром, интуицией, всей жизнью своей, что Бог, то есть высший судья, по логике вещей все-таки нужен, что без него человеческое существование невозможно. Должна же быть высшая справедливость! И ведь мертвые живым являются. И девятый день мы отмечаем, и сороковой. И яйца красим на пасху. И в родительскую субботу в церкви свечки ставим. И в чудеса верим! И к чудотворным иконам прикладываемся, и воду из святых источников пьем! И исцеляемся по вере! Ну, есть, есть же что-то там?!

Как гласит в грубом абрисе онтологическое доказательство существования Бога, сперва изложенное в IV веке блаженным Августином, а позже четко сформулированное католическим епископом Ансельмом Кентерберийским

(1033 – 1109): раз мы себе это представляем, раз это есть в нашем нравственном чувстве – значит, это есть и в реальности. Даже безбожник, говоря «я не верю в Бога», прекрасно понимает, что он подразумевает под словом «Бог». Нечто, максимально могущественное, больше чего нельзя помыслить, сидит в голове человека априори – значит, и Бог есть. Ну, не бесспорное доказательство, но, в конце концов, помимо нравственного чувства есть еще и мистический опыт миллионов людей, а он-то говорит о том, что Бог все-таки есть. Непонятно только пока, почему Он? Почему Иисус Христос, а не Будда или Аллах, или Лао-Цзы?

А вот тут как раз и нужна логика, и настолько нужна, что сдается мне, что там, в небесной канцелярии, где это все придумано, там очень! чтят логические законы. То есть это что-то божественное, а именно – разум, логика – это и есть Логос, как его именует Библия в первой книге Бытия. Ибо в начале было слово – Логос, от греч. λόγος, то есть разум, слово, смысл и т.п., а все остальное потом. Закон сначала, бытие потом. И так оно и видно во всей нашей жизни. Живот не заболит, если нет на то закона. Рынок не обвалится, человек не согрешит, птица не пропоет. Сам мир не возникнет, если нет закона, по которому он существует.

Бог наделил человека разумом, который способен понимать логику, то есть законы Вселенского Разума. Как Он это сделал – это отдельный вопрос, но это так, ибо сказано, что человек есть образ и подобие Божие, то есть такой же,

как Он. А в каком смысле человек такой же, как Он? Только в смысле разумности своей, способности понимать Божественный Закон и по мере сил его исполнять. Вот в силу своего разума, который хоть в какой – то степени уподоблен Божественному по природе своей, попытаемся понять, почему же именно Христос, сын плотника из Назарета, и есть Бог?

И если Он есть праведный судья, который определяет людей то ли в вечные муки, то ли в вечное блаженство, на каком основании Он должен нас судить, ведь Он не такой же, как мы, Он ведь Бог?

Этот, казалось бы, странный вопрос – на самом деле, очень важный. Ну, если у Барина есть 1000 крепостных, и они даны ему, как собственность феодалу и помещику, а он должен следить за соблюдением законности, почему же он должен быть такой же, как и они? Он барин, а они крепостные. Он поставлен выше их, поэтому он их и судит. Так устроено государство. Так устроен весь мир. Сословно-иерархическое общество. Ничего не поделаешь. Ты – крепостной, а я – барин. Я призван тебя судить, то ли тебе 100 плетей дать, то ли двести. Я выше тебя по статусу, поэтому я могу тебя наказать, а ты меня нет.

Да, казалось бы, ничего проще нет! Бог и должен быть таким! И таким он и был все 30000 лет, что существовала цивилизация до Христа.

По крайней мере, 30000 лет человеку разумному, череп

которого недавно реконструировали.

Но мир изменился. В связи с греческой философией, а еще более в связи с иудейской монотеистической традицией, выраженной в таких произведениях, как великая «Книга Иова», возник вопрос в мировой цивилизации – а Бог Он, собственно, кто? На каком основании Он нас судит? Он, что – такой же, как мы, Он знает наши проблемы, Он чувствует нашу боль, наши унижения, искушения, соблазны? Как говорил Паниковский в романе «Золотой теленок»: – «А ты кто такой?»

Уж слишком рафинирована стала цивилизация, чтобы просто так вот взять и отдать все на сословно-иерархический принцип – Ты, мол, – Бог, а мы – грязь, поэтому суди нас, как Тебе хочется, мы все примем! Слишком много пережили люди. Были и законы Перикла с древнегреческой демократией, и рабовладение, и римское право, и Аристотель с Платоном, и жуткие завоевания персов и ассирийцев с геноцидом, да и просто элементарно человеческая зубная боль, которая Богу неведома – было уже все, о чем только мог додуматься человеческий разум в сфере общественных взаимоотношений. И вот встал вопрос – а, если Бог есть, почему Он должен нас судить? Вполне логичный «вопрос Паниковского».

И вот Бог, снисходя к человеческим пожеланиям, а, точнее сказать, к логике человеческой и Божественной, Разуму, Логосу, согласился на Высшем совете Неба послать Самого Себя на Землю, чтобы чувствовать боль и любовь, как че-

ловек, бояться смерти, как человек, чувствовать вкус вина и голода, как человек, каждый день чувствовать усталость и человеческую немощь, знать унижение, спорить, как человек, и, как человек, стремиться в молитве к Высшей Справедливости.

А что значит «послать Самого Себя»? Ну, то есть взять и воплотиться в тело человека. Удивительное дело! Ведь это высшая лига! Это другая цивилизация! Зачем Тебе, Господи, воплощаться и делаться, как мы, рабы твои? Муравьи никчемные? Твари несовершенные! Здесь мы соприкасаемся с глубочайшим вопросом мироздания о том, что **человек – это, оказывается, не набор белков и углеводов, а высшее, совершеннейшее творение Бога, которое одно только и призвано примирить Материю и Дух.** В православном богословии как догмат существует тезис о том, что человек по природе своей выше ангелов, ибо сопричастен не только Духу, но и материи. То есть объединяет в себе две ипостаси Творения.

И в этом ключевая роль Земли в мироздании. Ведь, если Господу Богу, или Высшему Разуму, угодно было произвести синтез материи и духа и посмотреть, насколько человек пригоден для преодоления земного и для возвышения к небесному, то есть примирить два полюса бытия, которые Он создал, достаточно было одной лишь Земли, и больше ничего не надо. Земля одна обо всем расскажет и покажет. И вот Бог решил – Я буду таким же, как вы! И Он воплотился имен-

но в земного человека, а не в инопланетянина с Альфа-Центавра – это уже исторический факт. Вот почему православная догматика так скептически высказывается об инопланетянах, называя их зачастую бесами. Бог воплотился именно на Земле.

Вот здесь начинается самое главное. Бог сказал – вы возмущаетесь, что Я не могу вас судить, не могу отделять козлиц от волков, ибо вы испытываете такой опыт, который Мне неведом, так Я испытаю ваш опыт! Я пройду вашей стезей, человеческой, чтобы вы не говорили потом, что Я несправедлив. Эту поразительную мысль игнорируют тысячи лет подряд. И сейчас эстеты по всему миру твердят о том, что Бог, мол, не может понять того, что испытали мы, приводя непременно в пример слезу ребенка, хотя не имеют на это даже того права, который имел Достоевский, у которого умер маленький сын Алеша. Эти западные эстеты защищают, как правило, лишь свой задний проход от христианской морали, уж извините мой французский.

А что сделал Бог? Он просто сошел на землю, приняв плоть человека. Он очеловечился, стал «человечным», а не бесконечно далеким громовержцем с вершины Синая или Олимпа. Это значит, Он принял и слабости человека, и искушения, и болезни, и наслаждения – о, да! человеку ведь тоже суждены наслаждения, а за наслаждениями следуют и новые искушения, и соблазны... в том числе и культуры! Христос ведь не какой-то только плотник и неуч. Он

даже знал греческий. В школе Ему преподавали этот язык, о чем свидетельствует «Евангелие детства» (недаром Он говорил: «Я есть альфа и омега» – ведь это буквы греческого алфавита)! Он знал пророков и Тору, уже в 12 лет, согласно евангельскому рассказу, учил старцев в Иерусалимском Храме. Он воспринял это все. И все претерпел. Это и называется в сотериологии «взял наши грехи на себя».

«Ну и что?» – скажет какой-нибудь буддист. И Будда тоже был человеком. А даос справедливо скажет: – «Лао-Цзы был человеком, и начальник заставы, который попросил его записать свои мысли, наш свидетель, что это был реальный человек! И пусть он исчез в неизвестном направлении на Запад, он был человек, и мы знаем об этом, хотя считаем его воплощением Бога. Поэтому мы поклоняемся ему». В даосских алтарях можно увидеть статуэтку Лао-Цзы, которому поклоняются как богу. А в буддийских алтарях богом сделали Будду. Тысячи даосских и буддийских монахов оставили свои мысли потомкам. Они помогают в молитвах, они исцеляют в болезнях! И все же мы говорим о том, что Бог – это Иисус Христос, сын плотника из Назарета. Итак, почему Он?

Представим себе абстрактного человека, который перенес такое, чего врагу не пожелаешь. Ну вот истинно претерпел все, испил полную чашу страданий, несправедливо унижен, распластан, оплеван ни за что. И вот он спрашивает Бога – «а ты кто такой? Ты испробовал то, что я испробовал на этой Земле, которую Ты создал? На каком основании ты судишь

мои грехи?»

Строго говоря, этому юридическому подходу посвящена вся мировая литература. Она вся, в лучшем своем проявлении, начиная с великой «Книги Иова», ставит лишь один вопрос – а на каком основании Он может судить?

Вот, например, Анна Каренина Льва Толстого. Она ведь прыгнула под поезд не потому, что любовник ее бросил, а потому, что все общество оказалось фальшивым. Ей не нашлось там места! Ее все отвергли! А что же ей еще оставалось делать, униженной, брошенной, отвергнутой и мужем, и любовником, и высшим светом, лишенной ребенка?? Только «вернуть билет обратно Господу Богу». И она вызывает сочувствие! Как Бог может судить? Толстой писал эту вещь с реальной газетной заметки, как, кстати, и Достоевский свое «Преступление и наказание». И вот Господь Бог, оказывается, давно ответил на этот вопрос.

Что мог сказать этот потенциальный человек на суде, который я описал выше? Только, что «Ты – не такой, как я, Ты не знаешь моих проблем, Ты не можешь залезть в мою шкуру».

А что же значит «залезть в мою шкуру»? **Залезть в шкуру человека – это значит, претерпеть самое худшее, что только могло выпасть на долю человека, а претерпеть – это значит, остаться верным Богу, благодарить его за это, сохранить свою веру, несмотря ни на что.**

То есть сделать все и не получить ничего в этом мире.

Более того, претерпеть позор и крест. Коротко говоря, чего не было ни у Будды, ни у Лао-Цзы, хотя они были великими мудрецами – у них не было креста. Один отравился неправильно приготовленными грибами (в некоторых версиях несвежей свининой) и умер в окружении учеников, другой ушел на запад и пропал без вести. Ни тот, ни другой не испытали креста. А крест решает все. И это мог себе позволить только Бог.

Некоторые считают, что данный подход рассмотрения жертвы Христовой – «юридический», свойствен для западного богословия, в то время как восточное упирает на мистическое слияние человека с Богом. Я полагаю, что одно другому не мешает. А во-вторых, как раз западный отец церкви 2-го века н. э. Тертуллиан писал «верую, ибо абсурдно» – «Credo quia absurdum (est)». Я же ничего абсурдного здесь не вижу. Все как раз очень логично. Ибо вне законов вселенной ничего не происходит.

Тертуллиан писал, правда, о человеческой точке зрения, и в этом смысле он был абсолютно прав. Всякие логические, разумные построения, которые человек себе придумывает, чтобы что-то получить от Бога, Бог же, как правило, и разбивает. Это потому, что человеческий разум несовершенен и замыкается, как правило, на выгоду и смысл для себя любимого. Когда этого смысла не появляется, он теряет веру в Бога, поэтому Тертуллиан и говорит, что надо верить, ибо абсурдно, так как смысл непостижим для человека до конца.

Квинт Септими́й Флоренс Тертуллиан (155—220 гг. н.э.)

В своей книге «О плоти Христовой» (*De Carne Christi*) Тертуллиан буквально так выразил эту мысль: «Сын Божий пригвожден ко кресту; я не стыжусь этого, потому что этого должно стыдиться. Сын Божий и умер; это вполне вероятно, потому что это безумно. Он погребен и воскрес; это достоверно, потому что это невозможно». (Буквально на латыни: «*Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile*»). То есть сам факт, что люди распяли своего Бога, который пришел к ним с любовью, разве не абсурден? В высшей степени, с человеческой точки зрения!! Но в высшем смысле, божественном, конечно, разумность и логика всегда присутству-

ют. Только человеку их постичь довольно сложно и без самопожертвования и самоуничтожения перед Богом своего разума – это просто невозможно.

Именно поэтому православное богословие упирает на смиренномудрие и мистическое единение с Богом помимо тщетных усилий человеческого рассудка. Так, например, трактует Бога апофатическое богословие в «Корпусе Ареопагитикум» Дионисия Ареопагита (Псевдо-Дионисия) – сборнике трактатов 6-го века н.э., оказавшем колоссальное влияние на все восточное и западное богословие. Где Божественные смыслы определяются как в положительном утверждении свойств и атрибутов, так и в отрицании того, чем Бог точно не является. Апофатическое, то есть «отрицательное» богословие утверждает с логической точки зрения больший объем понятия Бог. Оно не дает Ему конкретных наименований и свойств, утверждая лишь то, чего в Нем нет. Трактаты основаны на определенных Божественных откровениях. Мы же попытаемся здесь объединить по мере наших скромных сил – скудный человеческий разум с тем, что нам сообщает Святое Писание.

Что значит крест?

Крест как орудие наказания широко применялся в древнем мире. Придумали эту казнь, скорее всего, карфагеняне, затем ее переняли римляне. Висеть под палящим солнцем, привязанным, а в некоторых случаях и прибитым к перекладине, пока не умрешь. Человеческая боль – одно из условий того потенциального суда, которым человек судится с Богом. «Испытай то, что испытал я, – говорит человек. – А без этого Ты не имеешь права судить.» И Господь был вынужден пройти через это.

Антон Рафаэль Менгс (1728—1779) «Распятие»

Прежде всего, давайте кратко остановимся на вопросе Боговоплощения. Мы, христиане, приверженцы Никео-Цареградского символа веры, который читаем каждое утро, и где сказано о Христе – «рожденна, несотворенна, единосущно

Отцу, Им же вся быша».

Наверное, не многие задумываются над смыслом этих слов. Кто из нас сейчас помнит о христологических спорах 3—5 веков н.э.? Что-то слышали о том, что был такой ересиарх Арий, который отрицал равносущность Христа Богу Отцу, объявляя первого всего лишь человеком, несравненно меньшим Отца. Именно Арию, согласно преданию, надавал заушин святитель Николай Мирликийский на Первом Вселенском соборе. (Есть версия, что это был другой местный собор). Арианская ересь широко была распространена и после смерти Ария. Одной из ее разновидностей было несторианство, которое также объявляло Христа всего лишь человеком, как сосуд принявшим благодать свыше.

И то, и другое заблуждение было осуждено церковью как ересь, почему и сказано в символе веры о Христе – «рожден, а не сотворен», и только Бог не может быть сотворен, Он не равен тварям земным, Он существует от вечного начала и в Нем все и пребывает, Он сам Творец, «альфа и омега», как говорил про себя Христос, то есть начало и конец всего. Рожден же, значит, что воплощен на Земле через деву, и стал человеком. Таким образом, надо правильно понимать, что Иисус из Назарета – это не праведный человек, не сосуд благодати, пророк, как, скажем, Иоанн Креститель, а Сам Бог, который принял воплощение через деву Марию. Это опять же подчеркивает высокий статус человека вообще в мироздании, раз он может стать сосудом воплощения са-

мого Бога и Творца вселенной.

Господь и сам об этом говорит, отвечая на просьбу апостола Филиппа показать им Отца.

– Столько времени я с вами, и ты не познал Меня, Филипп? Кто Меня увидел, увидел Отца... Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне. (Иоанна, 14:9—10)

То есть желающему увидеть Отца, по словам Иисуса, достаточно было посмотреть на Него, Сына Человеческого, как Он часто Себя называл. При этом Господь не говорит, что Он – Отец, Он говорит, что в Нем Отец, а Он в Отце. По человеческой логике Бог – Творец вселенной, чтобы судиться с человеком, должен был принять самую мучительную смерть из тех, что существовала в то время – казнь через крест. Что и пришлось претерпеть Спасителю. Ибо представим себе ситуацию – приходит на Суд Божий человек, который похулил Бога на кресте – ему за это грозят адские муки, а он логично заявляет – «Ты, Господи, Сам повиси сначала с мое, тогда посмотрим, как Ты запоешь». Не будем забывать, что на крест Иисус был повешен уже достаточно избитым и покалеченным. Римская треххвостка – плеть со свинцовыми шариками на концах кожаных ремешков – орудие пытки не лучше креста, и ею избивали Иисуса в Претории достаточно долго. Уже избитому и покалеченному, Иисусу взвалили крест на плечи и заставили тащить на место собственной казни. Но Он не смог этого сделать, ибо ослабел.

Это еще одна характерная деталь, показывающая, что вся

эта история – не выдумки. Допустим, что некий адский сочинитель решил придумать историю про Христа, про все, что я писал выше, чтобы одурачить простых смертных, навязав им какого-то мессию из рода Давидова. Он бы, этот выдумщик, вполне мог догадаться о той логике справедливости в споре Бога и человека, которую я описал выше. Он бы придумал воплотившегося Бога, который ходил среди народа и творил чудеса, он бы вполне мог выдумать историю предательства, избиения римлянами. Зная обычаи, он бы описал, как Христос понес свой крест на место казни – ну, а как же иначе, ведь Бог – это Зевс, только побитый, но все равно, могучий мужчина! Все таскали свой крест, и Он потащил. Там ведь было еще двое разбойников, которые тащили свои кресты. . . Ан нет, в Евангелии мы читаем совсем другое. Христос упал под тяжестью креста, ибо был измучен побоями настолько, что с трудом стоял на ногах. Стража схватила проходившего мимо со своего поля крестьянина Симона Киренеянина, отца будущих апостолов из 70-ти, и заставила тащить крест Иисуса аж до самой Голгофы. Такую деталь не выдумаешь, и их много в Евангелии, стоит только присмотреться.

Например, удивительна еще деталь – Иисус отказался принять болеутоляющий напиток, смесь вина и воды, который еврейские женщины приносили осужденным из милосердия. Он хотел прочувствовать эту боль до конца. Итак, Господь принял самую мучительную казнь. Но в чем ее мучительность помимо боли? Есть второй аспект, и он не ме-

нее важен. Крест – позорная казнь, предназначенная рабам и предателям, людям, отвергнутым обществом, опозорившим себя. Когда позже схватили апостола Павла и хотели распять его, как и Христа, он заявил, что является римским гражданином. Римских граждан на кресте не распинали. Павел был усечен мечем. Распинали восставших рабов, как в случае со Спартаксом, презренных разбойников и насильников. Это и в последующие века было расхожим аргументом язычников и талмудистов – как можно верить в Бога, столь позорно повешенного на кресте?

За что же получил Христос этот позор? За то, что делал одно добро, исцелял, воскрешал мертвых и проповедовал спасение человекам. То есть, если захотеть выдумать что-то более несправедливое под солнцем, не получится. Как бы человек не судился и не рядился с Богом за то, что с ним, человеком, поступили несправедливо, но уж несправедливее, чем с Сыном плотника из Назарета, трудно себе представить ситуацию. Да просто невозможно. И ведь многие видели Его чудотворения, многие и исцелились, насыщались хлебами. Где они были все это крестное время? Где видевшие воскрешение Лазаря, где начальник синагоги, чью дочь воскресил Иисус? Почему не кричали в толпе, что это Он – Тот, кто исцелил, кто воскресил, кто накормил? Никто ничего. А почему? Потому что схватят и тебя, и тебя казнят, ибо объявлен богохульником Синедрионом. А это было страшное обвинение, так что даже первосвященник Каиафа от избытка

чувств порвал на себе одежды, объявляя этот приговор. Римляне же, осуществлявшие казнь (а большая часть из них была не из Италии, а из окрестных земель – Сирии, Египта, Ассирии) воспринимали Его просто, как клоуна. Странный человек, выскочка, объявивший себя Сыном Божиим и Царем иудейским... Да мало ли таких еще у евреев сумасшедших? Сплетем ему корону из терновника и оденем на голову, как шутовской колпак! Да надаем тумаков, как следует. Вот было отношение римлян.

И все эти плевки и насмешки надо было терпеть! Единственное, чего не мог вытерпеть Христос – так это сострадательного плача еврейских женщин. «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших! Ибо, если с зеленеющим деревом такое делают, что с сухим будет?!» (от Луки 23:28—29). Здесь – нелицеприятное пророчество о судьбе всего еврейского народа. Оплакивать преступника, осужденного Синедрионом, было запрещено законом, однако женщины Иерусалима преступили его согласно пророчеству «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единокордном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце.» (Зах. 12,10)

Представим опять, что некий сказочник сочинил эту историю. Ведут оплеванного Бога на распятие, а женщины Иерусалима, сокрушаясь и горяя, как то свойственно не огрубев-

шим душой, рыдают и плачут. Тут бы и Богу умилиться и похвалить их за смелость и сочувствие. Христос же реагирует довольно резко: «Не плачьте обо Мне, а плачьте о Себе и о детях ваших...» И дальше идет описание кары Божьей, уже грядущий на народ Израиля. Так что будут жаждать смерти как благодеяния, «тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: прикройте нас!» А это довольно точно психологически – человеку избитому, измученному и преданному не нужно показное сострадание. Слишком поздно сострадать, когда дело сделано. Великое предательство всего народа совершилось, так что уж тут кликушествовать – этим вы вины народа «не замажете». Как это точно и характерно именно для Христа – нелицеприятие!

Кстати, сейчас можно часто услышать мнение, что и не евреи распяли Христа, а римляне. Весьма странное заключение для тех, кто знаком с Евангелием. Разве не Понтий Пилат трижды отказывался выносить Ему смертный приговор, и только по настоянию Синедриона он отпустил Варавву, а не Христа, умыв при этом демонстративно руки? Разве сам суд был не Синедриона и не первосвященники подкупили Иуду, чтобы он предал Христа за 30 серебряников? И не евреи кричали во дворе Пилата «Распни его, распни! Кровь Его на нас и на детях наших!» (Мф. 27,25)?

Все это Господь должен был пережить, в том числе и предательство **своего** народа. Ведь это тоже часть Замысла – чтобы и «богоизбранный народ», которому ты служил, ко-

торый называл детьми Авраама, предал тебя и под гиканье и улюлюканье, смешки и плевки наблюдал за твоей позорной казнью. Вместе с тем, надо понимать, что распяли Его не одни евреи. Распял Его весь род человеческий, ибо жертва Христа общечеловечна – она для всех людей. Да и состав римлян, принимавших участие в наказании и распятии Христа – это вся ойкумена, воины со всех уголков Римской империи.

Лишь один разбойник из двух, висевших рядом со Христом, заступился за Спасителя перед похулившим Его собратом по несчастью. Да сотник Лонгин, увидев, как небо смеркается, и земля колышется от смерти Праведника сего, уверовал, что это Господь Сам на кресте. Да юный апостол Иоанн стоял рядом с Богородицей. Вот и все. Остальные же все стояли в отдалении и наблюдали.

Такова была смерть Спасителя. Не находим ничего подобного ни у Будды, ни у Лао-Цзы, ни у кого-либо другого. Даже Кришна и тот погиб от стрелы, поразившей его в стопу, согласно Бхагавадгите. Да еще и под проклятием садху. Весьма банально, надо сказать. Ну а что сказать об отравление грибами, которые бедный крестьянин неправильно приготовил, не желая при этом ничего плохого Будде? Несчастный случай, да и только.

Крестная смерть – совсем другое дело. Такую цену за свое правосудие мог заплатить только Бог, Творец вселенной, то есть Тот, Кто судит, и никто иной. Дабы примириться с че-

ловеком в Судах Божиих. Поэтому мы и говорим, что Иисус из Назарета и есть Бог, а не кто-либо еще – мудрец, праведник, святой и тому подобное.

Один интересный аргумент мне доводилось слышать, якобы опровергающий ценность Христовых мук – «но ведь Он знал, что Он Бог! Ему-то было легче!» А вот это интересно, почему же Ему было легче оттого, что Он знал, что Он Бог, но при этом должен был пройти стезей человека, как человек, а не сокрушать громами и молниями Голгофу с римскими палачами, как Бог Саваоф?? Ведь, если мы знаем, что мы – дети Божии, что можем унаследовать Царствие Божие, разве крест для нас не испытание, не пытка и не боль? И каждый день – не испытания с искушениями? Да, нам легче оттого, что мы можем молиться, но только в этом смысле. Стрелы лукавого мира для нас так же болезненны, как и для атеистов. Так что это всего лишь очередной софистический выкрут. Конечно, никак это не влияет ни на тяжесть выбора, ни на физические и моральные муки. Разве что знание своей божественности укрепляет в вере – так это не чуждо и нам, грешным, ведь все мы – дети Божьи. Так что здесь мы в равной ситуации с Иисусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.